

Людмила Захарова

Осколки Мозаики

Роман-фэнтези

Людмила Захарова
Осколки мозаики.
Роман-фэнтези

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24433244

ISBN 9785448534133

Аннотация

Сновидческое путешествие Автора в романе-фэнтези «Осколки мозаики» по временам —от осколка цивилизации в нетронутый мир древности, где еще не знали любви. Погружение во внутренний мир творческого человека, где предвидение не спасает от судьбы, а любопытство – наказуемо. Вращается калейдоскоп воображения, перемешивая сверкающие осколки, собирая мозаику, непредсказуемую, как сама жизнь. Никто не хочет знать правду о себе, заглядывая в будущее. Лирическая проза, словно экзистенция по Кьеркегору.

Содержание

1. Арбат	5
2. Похищение богини	8
3. Древний огонь	12
4. Приглашение	18
5. Вечер	24
6. Одиночество	31
7. Вещий сон	37
8. Экспресс на Санкт-Петербург	43
9. Белые ночи	46
10. Час пробил	49
11. Западня	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Осколки мозаики

Роман-фэнтези

Людмила Захарова

Иллюстратор Андрей Геннадьевич Яковлев

© Людмила Захарова, 2018

© Андрей Геннадьевич Яковлев, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-3413-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Арбат

Отложи эту книгу, не читай, пусть остается не разрезанной. Герои ожили однажды и давно рядом с тобой... Сейчас вспыхнут свечи, но слуг не видно. Они вымерли однажды. Ангел-хранитель не растопит грусть. Чистый лист, перо. И только? Иллюзии уходят в бесконечность. Знакомьтесь: «Ея величество Надежда, великая княгиня Разлука, герцогиня Трагедия, леди Неизбежность (поклон небрежного величия), леди Неизвестность (благосклонный поклон), леди Забвение, невзрачная подруга Жизни – Смерть, искусенная в проделках леди Лживость, профессор кафедры событий господин Случай и прочие, известные своими забавами».

Дамы привыкли к восхищению и не замечают пристального внимания, витают спокойно, безразлично передразнивая Управителя.

– Ах, оставьте эту книгу. Вы ее уже прожили однажды... в этой, проклятой Богом, стране.

Релейные стекла наливаются румянцем по расписанию: «Закат-сумерки – свинцовый занавес №7». Хранитель проводит ладонью по лицу, повертев лист, убедив недоверчивых в том, что обратная сторона чиста, возвращает под застывшее перо автора – этажом выше. Сейчас вдумчивый взгляд не заметит разницы, углубившись в сюжет, остроту ощущение

ний. Немое сожаление о консервации Арбата – сердца некогда огромного города. Есть мнения, что улица называлась иначе, но точные сведения, увы, никому не нужны.

Первый этаж привлекает внимание уютным свечением готических окон, над крыльцом бронзовый амур целится в желающего войти в особняк, построенный буквой «П», ножки которой намертво спутаны чугунной литой оградой. Гости привычно пользуются парадным подъездом, сразу попадая к Хранителю, где позволено проводить любые затеи. Он безгранично терпелив и лишь иногда пользуется услугами Факира-управителя, лелеющего фантазии домочадцев.

Нижние апартаменты служат приемной, гостиной. Под росписью Адама и Евы у древа познания начинается черного дерева резной стол, уставленный оригинальными штучками, которые приятно повертеть в руках, выбирая слова, затем, качнув золотыми кудрями, поставить без сожаления на место в беседах на неиссякаемые темы. Три низко опущенные люстры позвякивают хрустальными подвесками в такт чьим-то мыслям, порхающим от редко расставленных кресел к роялю, камину. Из обширной залы лишь средние двери ведут в тронную, белую с золотым, с ажурной паутиной балюстрады для оркестра. Колоннада заканчивается у мраморных ступеней, ведущих на второй этаж. Здесь нет книг, ибо Хранитель читает, не поднимаясь во всемирную библиотеку. Общедоступный читальный зал довольно тесен. Узкие боковые лестницы без освещения. Некоторые гости имеют до-

ступ через правое, а другие только через левое крыло здания, по усмотрению Управителя. Даже приближенные и болтливая свита затрудняются указать квартиру неизвестного автора.

Сумерки переключились, фонари наливаются «лунным» светом для прогулок известных сущностей, полюбивших эту улочку. Главенствующий цвет стал пурпурно раскатен, голоса играют, вспыхивая долгожданным светом. Слезы молитвы во сне, едва забрезжившем, ощутимы маятником, движение которого стремится описать круг, предвосхищая тайную жизнь души. Сияние багрово-бархатного вырывается в безграничность черного, мерцающего в калейдоскопе воображения, собирающего обрывки мыслей.

2. Похищение богини

Ясновидящий палач своей души расставляет точки, что-то припоминая. Гордыня, отчаяние – все смертные грехи, терпение и не воплощенные замыслы отступили, унося бессмысленное распыление сил (вечные поиски темы, пера, издателя, денег). Не одна вечность прошла с тех пор. Записанное слово, промелькнувшее случайно, всегда обретает очертания реальности. И будет обретать. Разгадка: мыслеформы сбываются как вещи сны. Рисунки, желтые рукописи, чистые листы и пергаментные свитки, перья, чернильницы всевозможных времен и прочий хлам, весьма необходимый писателю, заполняют длинный стол, вытянувшийся вдоль десяти окон с видом на улицу. Высокие мягкие стулья и череда кресел ближе к камину не могут изгнать пустоту комнаты, украшенной диванным каре под книжными стенами. Оригинальное решение отделяет кабинет от прилегающих комнат, в любую из них можно попасть, лишь тронув стеллаж личной библиотеки. Удобно. Практично. Можно, конечно, запутавшись в хитоне, стукнуться лбом или коленкой о толстые корешки фолиантов, открывая дверь костюмерной, и ясно увидеть невезучие складки. А затем прогуливаться по галерее, левой или правой, высматривая в венецианских зеркалах былое и небывшее, иногда выбираясь на террасу внутреннего дворика с живой травой и кустами,

слушать звуки несуществующих птиц или кошачьи концерты. Растянувшись на бархатном диване приятно погружаться в иные миры, читая Набокова или Плутарха. Заблудившись в Сахаре, приятно вспомнить о ледяном бокале, забытом в баре, или розоватом, как падающий с регулируемой скоростью снег многоразового использования, мороженом. Как ни странно, но творческие натуры могут и должны есть-пить – как и все живое. Слуг нет и нет, но добрый ангел возвещает утро чашечкой немудреного кофе. Все невозможное возможно. Слепящее солнце хлынет мгновенно, стоит только захотеть.

– И не ослепнуть, – предупреждает Хранитель. – Развлекайтесь сколько угодно, присутствие и участие не возбраняется. Так уж устроен наш быт.

Автор, очнувшись от последней строчки, кивает благодарно, грустно разводя руками. Жгучее солнце древности, богов и богинь множество, юноши заглядываются на дев небесной красоты. И были!.. были небеса. Хранитель не спорит, а только наблюдает. Нет ни слуг, ни мышей, но на столе, зашуршав, развернулся свиток, подтаяв струйкой дыма. Хранитель поднимается, разминая застывшие крылья, потрянув нимбом, восхищенно встречает Алфею. Рассеянная улыбка оживает, застав непривычный шум, ярко горящие свечи. Она сбегает по лестнице, остановившей бесконечность. По ступеням, странствуя из века в век, обреченно тянулись шлейфы визитов на бал герцогини Трагедии. Все, ныне присут-

ствующие, невинные создания, состоят в ее свите и наблюдают ритуальный танец, уводящий в новую колоннаду, затаившуюся в конце пышной церемонии. Хранитель, распахивая крылья, раскрывает объятия, подав руку, подводит к Гостю.

Чудом оставшись в ангаре последней цивилизации, они виделись редко. Наверно, им повезло или, напротив, были наказаны. Кто угодно может стать упомянутым юношей или богиней, похищенной из древних свитков. Но где же она? Скрылась среди знатных особ, до поры затаившихся в глубоких креслах? Дамы таинственно улыбаются, интригуя гостя внешними формами, смущая излишней откровенностью, – переговариваются, не нарушая этикета.

– Алфея не создана для такой жизни.

– Земное пребывание утомляет.

– Неудовлетворенность вдоха осеняет тоской дивной стихии. Она все еще там. Что может удивить в остывающем пепле, позабавить?

– Все слишком невзрачно, несущественно, неизбежно!

– Но не будем грустны, – остановил жалобы Хранитель, ласково указуя гостю на кресло у камина. – Отсекая разумно прошлое, надо принимать продолжение жизни. Учитесь, даже если судьба вытрясла вас, как кухарка корзину. Вам удобно? Не сердчайте на них, чудесные лгуни сильны и пользуются этим от скуки, но завидуют. Вы слышали, что сказала первая леди?

– Ах, оставьте. Это древний огонь...

– Но я-то вижу, вы пришли именно за новостями. Ничему не удивляйтесь. Здесь все умеют вторгаться в чужие размышления. Поверьте, Автор действительно устал. Нет смысла начинать новую эру, не создав легенды, не поставив точку. Это очень важно, что мы не знакомы. Прозрачный цвет может стать любым, может быть – любим. В этом прелесть неопределенности, возможно единственная.

3. Древний огонь

Самым дорогим трофеем воина считалась женщина, даже возраст не имел значения. Однажды Правитель получил в подарок северянку, возмечтавшую быть равной ему. Нигде не приближали самок, живших в поселениях только для рождения детей. Многочисленные отпрыски правили близлежащими племенами. Мальчики для забавы заводили себе тигрят, львят, детенышей пантер и ягуаров. Девочки рождались редко, времена были весьма воинственны. Разумеется, сыновей матери видели недолго...

Белокожая вела себя бесстрашно, расхаживая по каменным плитам, ожесточенно что-то рассказывая и показывая, Правителя завораживал воркующий поток незнакомой речи, но он понял по рисункам на песке, что нужно строить большой дворец, мрамор должен быть гладким, как ее кожа. Следовало обменять ее, а не привязываться непонятными чувствами, отвлекающими от набегов желанием поскорее увидеть ее. Она обещала чудо и подарила ему дочь. С этой необычной девочки в крепости начались смуты. По неволе затеялось строительство, осваивание плодородных земель под посевы, развивались ремесла, складывалась новая иерархия в управлении. Факир не вмешивался, но доложил, что непостижимым образом дочке известна судьба матери, что надо придумать достойное дочери Правителя по-

ложение, чтобы ее никогда не постигла участь самок.

Визит к грозному Правителю прошел необычайно легко, словно тот уже знал, как возвысит свою единственную дочь выше собственного правления с условием, что дочку будет опекать свита. Было решено, что волшебство Факир передаст ей, что вполне устроит всех. Алфея росла в противоположном крыле дворца, имела стражу вокруг своих покоев. Когда малышка обходила строй, стражники вставали на одно колено, держа шлемы на колене и сложив у ног оружие. Она заглядывала в глаза, читала мысли, и решала судьбу воина. Факир брел темными коридорами дворца, чувствуя надиктованные Алфеей мысли. Ему было ясно, что рыжая девочка уже негласно завладела мыслями отца, свитой, и хотела править толпой. Однако, он не мог вникать в ее замыслы, видел только белую стену...

Боги немилосердны: торжество омрачено гибелью юнца. На спешном ритуале прощания его свежеструганная фигура с распахнутыми крыльями, ростом почти в два метра, охвачена легким прозрачным пламенем, источающим аромат тающей смолки. Рядом полукруглый помост такого же медового цвета, с которого шаманящий старец рассыпает порошок, вспыхивающий радужными искрами. Зарево окружают жрицы, мерно колеблясь в такт исступленной печали. Босые ноги тонут в песке, а гибкие тела раскачиваются по ходу Солнца и после замирающего вскрика в обратную сторону. Девушки, склоняясь, касаются волосами земли и, вдруг

отшатнувшись от действия, запрокидывают лица к набегающим тучам, словно вымаливая полнолуние.

И только дочь Правителя в раздумье продолжает шествие между костром и живыми воющими цепями, откидывая пряди с лица, и в который раз не внимает срывающемуся голосу служителя: «Остановись, девочка, нельзя отказаться, Алфея. Я не могу допустить безумия, ибо так предсказали звезды. Это преступление, ненужные жертвы всегда преступление». Старик не может смириться, повторяет: «Нет, Алфея, нет! Остановись. Не оставляй нас». Сухие комья подкатывают к горлу, судорожно перехватывая дыхание, темный клобук сполз на кустистые брови, оттеняя резкие черты воина. Он мог одной ладонью пригвоздить ее к месту, но не посмел коснуться светящихся волос, так непохожих на космы соплеменников. Длань, занесенная над непослушной головушкой, дрогнув, выдает гневную дрожь, заметную только ей. Проходя мимо помоста, она удивленно вскидывает брови в ответ на неуместный шепот.

Ночь снизошла на Волчий холм. Полная луна восхищает лучами, отвесно упавшими на избранницу. Долгий плачевник сменяется неистовым восторгом, захлестнувшим и ее. Казалось, огненные языки перестали шипеть и замерли, едва она взошла на помост, не оставляя тени. Игра пламени – едва ощутимый танец. Прощаясь с первой жертвой своего владычества, она вглядывается в лицо, почти живое, только чуть отрешенное от мира. Толпа ликует.

При въезде колесницы он уберег ее на шальном повороте. Ей некогда думать о смертных, коих бесполезно предупредить о забаве. Но продолжается танец огня, она наяву вспоминает сон-прикосновение и слышит зовущий голос. Алфея касается ладоней крылатых, ее волосы, взметнувшись от жара, оседают медлительно, ледяные пальцы впервые трогают невозмутимый профиль. Кто сумеет понять блаженство небесных объятий? Душа, приникшая к душе. Земное теряет смысл. Потеряло. Она соскальзывает с помоста, как в воду, ни трепета, ни шума вокруг не замечая, обволакивает изваяние всем своим существом, смыкает намертво руки на древесных бедрах, устремив взор в немигающую толпу и не находя понимания. Ало заструилась туника, спадающая с хрупкой смугловатой фигурки, едва осознавшей женственные формы. Свита отпрянула к толпе, онемевшей в гуще ночи. Огонь ласкает тела, не причиняя вреда. Ни боли, ни ожогов, только легкое пощипывание инеем покрывает с головы до пят. Алфея, словно со стороны, видит себя, видит чернь, в страхе покидающую место обряда, не желая помнить обуглившиеся фигуры. Дикари не оглядываются на голубоватое свечение, предрассветное. Свирепые воины бессильны. Все боятся чуда, и в жаркий полдень любопытные не найдут следов ночного действия, ибо память-погоня не оставляет пепла.

Факир действительно постарался, но ничем не мог помочь. Менялась стража и астрологи, в покои никто не входил. Он заглянул в сон Алфеи. И вновь распластанный юно-

ша с золотыми кудрями отброшен колесницей на спелые колосья, она церемонно склоняется к нему для прощального поцелуя. Свита торопится продолжить путь, но отстраниться уже невозможно – она заключена в объятия. Единственный повод приблизиться к богине и сорвать поцелуй – смерть. Несчастный почему-то не желал умирать. Пробуждением не удастся снять память тела о прикосновении. Необъяснимое невозможно стряхнуть. В изумрудной овальной зале зеленые портьеры спрятали стены, но богиня недовольна. Свита поправляет Орион, вплетенный в волосы, ей подают тунику цветом в небосклон с каймой зари, окутывают нежно. Она не улыбнулась. Не ждите кроткого вздоха – легкость колесницы еще не забыта, ибо Автор выдыхает лишь огонь откровений... Факир приукрасит безбожное человечество, посулит им мир, покой и стабильность. Племена привыкнут, будут более покорны перед непонятным. Возможно, богиня оставит им право найти чудо из чудес, прикоснуться к божественной тайне, которую она ощутила в день посвящения. Но снова снятся золотые прутья окон, сорванные замки, раны оставляют следы, мрамор не студит, пепел обжигает свежие ссадины. Алмазный ошейник с годами вращается в изящный изгиб шеи, уже не мешая, и пока не может медленно душить черную-черную пантеру в пустыне миражей, где будет утерян торопливый последний глоток воспоминаний. Так пройдут тысячи лет. Бездарно. Воин духа прав и сейчас: ненужные жертвы всегда преступление. Обречен-

ные жить вступают в мир, который неведом. Так было угодно Автору. Герои романа вернутся не однажды, но мучительная медлительность преодолеет хаос, ибо память-погоня – огненный ветер.

4. Приглашение

4. Приглашение

Факир повертел книжку, вздохнул, зная заранее, что все это бред сумасшедшего. Расстроенный, раздвоенный, раздробленный мир. Неприятие Реальности, изгнанной из свиты, и беспокойство при отсутствии оной. Оставьте досужие домыслы. Автор, с сожалением взглядывая на гостя, ответит: «Надо почувствовать это, чтобы понять». Огромный земной шар раскачивался из крайности в крайность, а росток наблюдал, неподвижным оставаясь. Шальной полет. Мир вывернулся наизнанку, а семя прорастает, ничему уже не удивляясь.

Человек, вполне материализовавшееся существо, перелистает страницы, пусть даже левой рукой, и устремленная печаль взметнется над разбитой чашей, уткнувшись в несуществующую даль, над жизнью прошлой, настоящей. Зрачки расширяются, раздвигая золотые крапинки, он уходит блуждать по крышам, не задумываясь, ныряет в голубоватую призрачность, приминает облака; возвращаясь к дому напротив, находит узкие тропинки, пробирается в муравьиные катакомбы: темно и тесно.

Слова, венчающие новую страницу, водоросли строк запутывают невольно, затягивают на дно, но в это же время дежурная сущность отвечает на вопрос из мягкого кресла,

неосознанно приласкав. Серые тени у глаз выдают ненасытную страсть: «Еще несколько строк, милый». Еще несколько строк, умоляя, пробьются в сумерках, но утром их не удастся вспомнить, только смутное впечатление будет недолго злить. Именно поэтому невозможно обойтись без свиты даже простому смертному. Хранитель впитывает дыхание, собирает с висков пряди, мантией крыльев закрывая бездну отчаяния, мрак которой касался их не раз. И для всевидящего ока случаются затмения. Душа, связанная кровеносными путями, не умеет постичь смысл простого существования. От этого все беды. Поэты, покинув золотистый овал души, ищут слова, понятные людям. Легенды хранят в пещерах снов явление несбыточной мечты, странствующей из века в век.

Алфея знала свое предназначение и порой опасно шутила. Ангел с удовольствием вспоминает бывшее восхищение красотой, ставшей вдруг преступно утонченной для двадцатого века, лишней, разгромленной на мелкие крохи, втоптанной в грязь животной похоти. Горькая случайная усмешка искаженных душ не стоила внимания. Осмысленное на небесах, не помнится на земле грешной, лишь ядовитое дыхание вокруг. Давно она так безмятежно не засыпала без молитвы, без упования. Хрупкое тело таяло в крылатых объятиях, одеяло соскользнуло, разбудив мужа. Черный гнев, рвущийся из души, заливал, лишая его света и прозрачности. Он перестал существовать для Творца. Конечно, и он сожалел о бессмысленности опыта смирения, прервать кото-

рый хотелось. Да не по своей же воле! Слабеющий выдох поплыл долгим стоном по комнате, напоенной суетой живого ужаса. Дыхание остановилось, тело упало на постель. В ту ночь было по-земному больно, но она не умерла, реанимация работала, наступая на босые ноги. Хранитель не понимал, как она проскользнула сквозь него, почему ее не было нигде, сидел на краешке дивана и старательно чистил перья, поджидая возвращения. Обреченный вдох вернул его из забвения, она улыбалась ему, а в глазах ее все еще мерцала тысячелетняя тоска, стремительный поток взлетов и падений. Она тербила его потемневшие крылья, он повел плечом, как бы говоря: «Не трогай меня, ты не можешь меня видеть и понимать небесную речь».

– Могу... я вспомнила.

Он вздрогнул.

– Это плохо, совсем худо, тут я совсем бессилён.

Алфея вздрагивает от прикосновения, пристально вглядываясь в редкие светящиеся окна, как шаль прижимает к себе крылья, запрокинув голову, удерживая Хранителя, долго приходит в себя, оторвавшись от чтения. Книжка уткнулась изломанным лицом в пол. Печальные черные змейки строк поглощают пылевсасывающее покрытие, не отличимое от ковра. Скупая на нежность грусть тает в обращенном к нему взгляде.

– Какое счастье, что ты есть. Позволь мне никого сегодня не видеть. Я устала от интриг. – Она подбирает ноги под себя,

чтобы развернуться к нему, стоящему за креслом. – Что нового может быть в жизни двух неразумных юнцов, двух мятежников? Я эти жизни уже прожила и не без помощи назойливой свиты. Я забыла вкус одиночества, – настаивает она, забавляясь тем, что ее пальцы проскальзывают сквозь нимб и путаются в золотистом пухе тончайших волос.

– Что поделать, ты не научилась скучать. Каждый день неповторим, непредсказуем, даром нельзя пренебрегать. Прошу, не читай старые письма. Их адресаты стерты временем, забыты.

Хранитель невозмутимо рассеивал возникшие из книги грустные мелодии.

– Не хитри. Они пререкаются, все еще дышат мне в спину. А ты? Ты никогда не хотел вернуться в свою стихию? Уже нет причин бояться за меня.

– Ты о чем? Прошу тебя, не шали.

Он упивается древним огнем, нетерпеливо скачущим в глазах Алфеи. Хранитель освободился от ее рук, прошелся по кабинету, просматривая корешки книг. Положил упавший сборник на стол, где в хроническом беспорядке подсыхают бесчисленные рисунки. Неуютными фиолетовыми чернилами отливают стекла окон. Он включил лунный свет, освежающий мысли прохладой.

– Темные страсти закоптили ноосферу. Возвращаться нельзя, да и некуда.

– Да... Но как долго придется ждать? Ангар не вечен,

а за ним – что? Пустыня? Раскаленная лава? Я причастна к катастрофе?

– Нет, ты могла погибнуть и раньше. Пресыщенный бесноватый мир не стряхнул наваждение материального. Очищение от омертвевших душ обычное дело. Невзирая на непревзойденные шалости, мы прощены. Пепел остыл. Мы обречены жить.

– Не оправдывай, просто ты безбожно любишь меня.

Алфея тихонько выбралась из кресла, и завораживающая медлительность жестов закружила по комнате осенним плавным листом. В неслышном вальсе она вынырнула, боднув рисунок в руках Хранителя, но была подхвачена и усажена на стол, чтобы выслушать поучения.

– В книге мы отдали дань прошлому, загадали будущее. Там обязательно должна быть осень. Самовозгорание планеты столь естественно, сколь неотвратимо.

– Но что же тогда случилось со временем?

– Неповторимая моя, единственная даже в буквальном смысле, я долго выбирал твой возраст и нахожу его наиболее интересным. Время придумали люди, спешившие умереть. Мы живем вечно.

– А ты мог бы чаще бывать у меня. Я не знаю, какой наряд выбрать на вечер, – она кокетливо повела плечом.

– Я всегда рядом и вижу тебя такой – какой хочу видеть.

– Не мудри, что свита готовит, чем занята сейчас?

– Суесловием, встречами со старыми приятелями, но в ос-

новном тобой. Нет-нет, не смотри на меня так. День и ночь они проводят в моих апартаментах, под стать тебе своенравны и прихотливы, не серчай, мой ангел, пойми. Холодный скрежет суетных затей, скольженье, ночь... Одно и то же. Ты жалуешь леди Забвения, мадам Невозмутимость, а другие завидуют. Леди Неизвестность и леди Неизбежность про сверлили глазами двери, но не рискуют напомнить о себе. Их настойчивость невыносима. Сегодня я их выставлю за пределы ангара для изысканий, но уверен, что для нас ничего не изменится. Мы ждем тебя, вечер включится только с твоим появлением, иначе этот день никогда не кончится. Таково мое условие. И давай договоримся о том, что эту заключительную книгу будем читать по одной главе. Вспомним банальное салонное чтение.

5. Вечер

«Мэм сегодня грустны-с?» – осведомился Александр. Ироничное «да-с» слетело с уст Хранителя: «Как никогда». Он вяло повел крылом, встрепенулся. Александр Сергеевич едва не спросил: «Случилось что-нибудь?» Но, вспомнив нелепость ситуации, продолжил жест, потянувшись к сверкающему предмету на столе. Хранитель кивнул благодарно, подавая небрежно оставленный браслет. Камушки редчайшей огранки с бриллиантовых островов выложены на платиновой основе как булыжники мостовой.

– Вещица тяжела необыкновенно. Затем и брошена? Угадал? – заметил он.

Пушкин лукаво отражает снопы искр, заигравших в полумраке пустынной залы, некогда танцевальной, где он любил бывать прежде, и сейчас, иногда забывая, сколько всего минуло. Заслышав о мятежнике, сохранившем островок былого, он устремился на выгоревшую планету, чей красноватый свет тревожил мирозданье последнее тысячелетие. Вслед за ним потянулись былые тени, не поверившие, что следы, ими оставленные, могут исчезнуть. Екатерина Вторая с Петром Первым правильно поняли друг друга и вступили в общество в зрелом возрасте с регалиями самодержцев. Их шествие по стилизованной пустой улице до слез рассмешило хозяйку единственного жилого дома. Очень живая

и взбалмошная особа весьма тактично выслала им навстречу личную свиту, досконально знающую любой этикет. Государь остался доволен и, облюбовав соседний особняк, часто навещают загадочную пару. В небольшом закрытом пространстве сгодится любая разночинная компания. Пушкин продолжает подтрунивать, нарочито не отвлекаясь от переливов браслета, будучи давно осведомлен Факиром о том, что ангелам известно все иным способом, никак не слухом.

– Не лукавьте, сударь, я же знаю, что вы хотели спросить, – вздыхает Хранитель.

– Может быть, затеем бал в духе наполеоновского расцвета?

– Бал?..

Он сделал вид, что прислушивается. Пауза затянулась.

– Вы слышали смех?

– Катюшка с Петром встретили Гришку Распутина, тот навеселе и рассказывает смачные непристойности, на которые соблазнил легкомысленную мамзель, указавшую на винный погребок. Дурица наивно полагала, что этот дух не сумеет воспользоваться винцом, не имея материальной сферы. Я понимаю, конечно, что мой запрет не подействует, но, знаете, традиции... Стало гораздо хлопотней с тех пор, как понизилась температура Земли.

– Надо же! Я ничего не слышу, а выпить бы не отказался. Скажите, как вам сие удастся? Будьте великодушны и простите за излишнюю откровенность, сударь, но иногда мне ка-

жется, что вы побаиваетесь дамы сердца? Отчего ж ей будет не по нраву бал?

– Сейчас увидите! – Хранитель резко поднялся.

– Досточтимейший сударь, в новой жизни я пренебрежительно опишу ваши оригинальнейшие отношения. Я полагаю, что с Гришкой Факир, и они отпустили пантеру – клетку открыли. Я не замечал в библиотеке хрусталя, бьющегося сейчас. Вы нашли склад, подарили барышне позабавиться? – Александр Сергеевич театрально вскинул глаза к потолку.

– Насколько вы, все-таки, человек. Прекраснодушный, но... человек.

Хранитель вышагивает вдоль стола, от стены к стене, мало чем отличаясь от взволнованного выюноши. Пушкин наблюдает, надеясь заприметить в тени уютных кресел одну из виновниц шума. Гувернантка Судьба скучает у рояля, изредка балуясь клавишей «до», отворачиваясь на вертлявом стульчике от мадмуазели Легкомысленность, пробующей очаровательные улыбки у зеркал, вздымая кружевами нижних юбок неслышные «па». Вот кому танцы весьма по душе. Леди Забвение ближе к камину, потягивает коктейль через соломинку. Мадам Необходимость пожимает плечами, не отрываясь от кона, мадам Свобода все еще листает альбом, курит и курит. Герцогиня Трагедия надменно опускает вуаль: «При чем здесь она? Подозрения неуместны». Великой княгини Разлуки не видно, как и государыни Надежды. Леди Неизвестность по-приятельски кивнула ему. С ней не соску-

чишься. Звон осколков, сметаемых на мраморной лестнице, озадачил. Ангел остолбенел, увидев, что не обточенные камушки летят градом, побивая драгоценные живые розы, ее встречавшие у распахнувшихся дверей.

– Ты с ума сошла, – вскричал он, – алмазная пыль опасней яда.

– Я же не приготовила вам кофе с истертыми алмазами, – с милой улыбкой вспыхнула она и выпрямилась.

Веер, послуживший метлой, постукивает по мрамору перил в такт ногам, выглядывающим в разрезы алой туники, оголившей плечо с родинкой. «И ноздри ея трепетали», – подумалось Пушкину. Такой сдержанно злой, страстной он еще ни разу не заставлял ее.

– Объяснитесь, сударь, – Алфея хлопнула веером об стол, ушла в глубь залы, одним взглядом согнав с дивана пантеру. Вытянулась, закинув руки за голову и помахивая туфелькой. Пантера затаилась, посверкивая ошейником. Девчонка намерена дразнить дикую кошку. Ангелу становилось не по себе. Туфелька чиркнула по носу пантеры. Грозное рычание доставило шутнице опасное удовольствие. Никто не успел ахнуть, правая туфелька тоже не промахнулась, пантера взвилась в прыжке. Трюк удался! Она смеялась навзрыд, стуча обосевшими ножками по ковру.

– Господин Случай, вы благоволите жестоким чаровницам? Зачем смеетесь вы, проводя их по лезвию ножа? Неужели так уж скучно просто жить?

– Факир был пьян! Гришке удалось несусветное! Ха-ха! Представьте, мой факир был пьян. Семьсот земных веков не удавалось сотворить подобное!

Для всех осталось тайной: как они разминулись? Недоумение кляцнуло зубами, а на мраморе лестницы теплятся следы крови, – пантера поранилась осколками, приняв чей-то тающий призрак за обидчицу, живущую на втором этаже. Вероятно, в неволе дикие животные теряют нюх, ей невдомек оглянуться. Двустворчатые двери закрыли на ключ. Все действующие лица ошеломлены. Все забыли черного демона страсти. Что вспомнилось вдруг? И кому? Никто не знал, даже няня Правда, шаркающая меж знатных дам, слегка обескураженных. Безучастная отринутая от дел гувернантка Судьба наигрывает старые романсы, словно для себя – вполголоса...

В закрытую дверь стучать не могли, но сетования и грохот очевидны. Вход в библиотеку-кабинет через внутренний дворик охраняла заржавевшая решетка ворот, чтобы не утомлять хозяйку любопытными посетителями. Факир, стакнувшись с Распутиным, стал непредсказуем. Вот и сейчас компания ввалилась, держась друг за друга и рыдая о сбежавшей пантере, сорвавшей замки. Екатерина и Петр, старательно пробираются к столу, желая незаметно вооружиться державными знаками, уйти на свои парадные места, явно смущаясь нарушением устоев и с трудом сохраняя церемонную осанку. Хранитель прикрыл глаза ладонью, ше-

вельнул крылом: делайте, что душе угодно.

Мутно блуждающий Факир, оказывается, прав, обходя гостей с шутовскими поклонами.

– Б-б-бриллиантовые острова рассыпались! Александр Сергеич, милый, уж вы-то видели их? Хрустальные замки вдребезги, мадам... не помню вас. Низжайший поклон, княгиня, ваши миражи клубятся алмазной пылью, я видел в безнадежном пепле. Пустыня. Там бродит пантера, ваша пантера, мэм. Она не сумеет снять, одетый вами ошейник. Там, в остывшем пепле жив еще огненный ветер. Да-да, смутная память-погоня сгоревшей мечты. И вам не жаль дикой кошки, жестокие затворницы?

Факир расшаркивается и паясничает, отшатываясь от надменных жестов призрачных леди, проверяющих маски невинности в отражениях зеркал. Герцогиня Трагедия, спокойно откинув вуаль, строгим тоном отводит подозрения: «Сударь, нас пригласили на бал, будьте любезны, развеять сомнения и объявить о предстоящих салонных чтениях». Факир-управитель замер от восторга. Как ловко они избегают выслушать приговор о себе. Пушкин подошел к Хранителю, взирающему на Алфею, подал браслет. Мягкий щелчок на умиляющем запястье. Кончиками пальцев он проводит по смуглому плечу, с неземной нежностью целует узкую кисть, примиряя ее с неизбежными атрибутами, не всегда легковесными, успокаивая тем, что не следует пренебрегать неудачным опытом.

– С вашего позволения, я могу объявить бал?

Она обвела взглядом многоликую свиту и, заметив государыню Надежду, согласилась, присела в реверансе, обнаружив декольте наполеоновских времен, овеяв Пушкина ароматом женской кожи. Факир в белом фраке взмахнул дирижерской палочкой: «Полонез!»

6. Одиночество

6. Одиночество

Одиночество ступает по паркету вчерашнего бала. Ни следа, ни ветерка, ни света, лишь затаенных несколько осколков, да притихшей свитой поникшие гардины. Все те же легкие интонации чарующего шествия: да-так... так-так... так-да. Ступает все также изящно, как по белым валунам, уводящим из древней пещеры, по каменным плитам усыпальниц и храмов, не оскользаясь на мраморной глади дворцов, не спеша и не оглядываясь. Да... так. Медлительная игра линий, очерчивая скрывающихся, манящих, шурша по пятам, на остроте коленок вздымающихся и спадающих. Алфея уходит.

– То немного, что я успел увидеть, я воспевал всегда. Нет, не подумайте, я... Мы не были знакомы, только издали. Она выходит из церкви сквозь нищую суету. Это ложь, она не была надменной и жестокой. Но ее опасались, как исполненной мечты. Но вы, должно быть, помните, что уже тогда не умели мечтать и потом. Я кричал им: «Спасите, она вышла на паперть! Не милостыни, нет! Она помедлит-помедлит, но не задержится. Спешите подать руку! Спасите!» Я кричал им: «Подобно псу лизните ее ладонь, и вы вззоете от яда, пылью осевшего на истонченных веками контурах. Очнитесь, вы оцепенели от немоты и удивления», – кричал

я в пустоту живой толпы. «Она одна, остановите, она уходит! Божественная красота уходит». Я охрип от крика и боли, и потом... Потом я умер.

Высоцкий задумчиво перебирает струны, словно веши, взглядываясь в глубину пустынной залы, заинтриговавшей слух и взоры. Хранитель тактично не мешает, присев у резного стола и кивая.

– Я ждал ее на берегу, в туманных клочьях над рекой я чувствовал движение. На похищенной лодке был кто-то незримый. Мы едва различали прутья кустов и хворост под ногами. Липкая сырость покрывала одежду и листья. Мы молчали, мы не были близки ни в жизни, ни тогда. Тексты новых песен я сразу смущенно свернул трубкой, ткнул ей в ладонь: «Потом, потом, вернись и читай». Я не знал ее имени и сейчас не знаю, я был обескуражен. Костер в облаке не развести. Мы молча вернулись в лодку, сели рядом, спиной прислонившись к рубке. Я не находил слов, разглядывал удивительную форму ноготков: узкие, заостренные лепестками георгинов алых. Случайная одежда не портила. Неловким движением она избавилась от большой клетчатой шали, решив хоть немного подобрать спутавшиеся пряди волос, но что-то мешало. Словно отряхнувшись, она выскользнула из телогрейки, прислонилась к фанерной стене. Нагота плеч, излом запястий, а локоток!.. О, Боже! На прозрачный батист сорочки капала кровь – теплая, живая. Я испугался, не сказал ей, что она сошла с ума, а прохрипел сдавленно: «Зна-

ешь, мне до сих пор больно. Передай им, мне больно! Если все так... Я хотел бы умереть». Я давно не слышал своего голоса – такого рвущегося клокотания в горле. Она не ответила, то есть это случилось как-то иначе. Ее мысль так покойно легла на сердце, что я умолк, более уж не прибегая к словам. Я не помнил такого умиротворения ни в жизни, ни потом. Она вынула забытую иглу от капельницы из вены, куском бинта скрутившегося в косах, я затянул ей руку, не подумав о своих ледяных прикосновениях. Просвечивающее тело ничуть не смущало, нагота имела иной смысл. Только потом, вспоминая страшную встречу, я думал о поздней осени, о снежной каше на воде, поражаясь бесчувственности к холоду. Ну, как же! Живым должно быть холодно.

Владимир Семенович прижался заросшей щекой к гитаре, вспомнив, что созерцание невероятного рельефа крохотного ушка вдохновляло древних мастеров кисти, а ему только мешало собирать взбунтовавшиеся водоросли волос. В них можно запутаться. Хранитель с настороженной грустью наблюдал за рассеянной прогулкой Алфеи, о которой они говорили, не надеясь, что она приблизится. Он давно пытался разгадать ее исчезновения и вот, пожалуйста, с опозданием в целую вечность можно что-то сопоставить, объяснить. Но только себе. Он с благодарностью принял запоздалые тексты песен на хранение.

– Эти каблучки отбивают ритм новой баллады, – заметил Высоцкий, – да... так. Да.

Легким дыханием откликнулось эхо. Алфея остановилась у напольной вазы, долго выбирала бледную, не надломленную розу и, вытянув, равнодушно удалилась к себе. Отставив гитару, он стряхнул оцепенение и попробовал звук паркета, словно недавние шаги могли оказаться наваждением. Хранитель поспешил развеять недоверие.

– Жаль, вы так и не разглядели ее, но, поверьте, ничуть не изменилась. Жаль, она не предупреждена о визите. Не успел. Видите ли, она сегодня не смотрит в мою сторону. Вчера был пышный прием, многообразие ее утомляет. Она-то живая, не вымышленная.

Высоцкий остановил оправдания-объяснения, взбежал по лестнице, вернулся с утерянной розой и, отбив чечетку, подмигнул собеседнику.

– Чтобы нас замечали, женщину надо рассмешить!

– Bravo! – воскликнул Управитель. Дамы вспыхивают от восторга. Внезапная суета становится явной и не совсем уместной. Хранитель пытливо замечает им, что рассказ напрасно прерван без спросу ожившей свитой, предлагая Высоцкому выбрать кресло у камина и продолжать, не позволяя вольностей соглядатаям. Они нарочито капризничают, кокетничая с недоумевающим гостем, обращая к нему томные взоры и рассаживаясь вокруг.

– А-ах! Тихий вечер у камина...

– А-ах! Эти тайные страсти Алфеи.

– На, запретных для нас всех, берегах Леты.

– Володя, друг милый, не томи...

Высоцкий шутливо отбивается от хитрых созданий, так ловко и наперебой выхватывающих его мысли.

– Девочки, девочки! Да вы тут совсем ошалели! Как вам удастся подслушивать и выбалтывать еще несказанное? Негодные чаровницы!

– А-а-ах! Мы не заметили, как отчалила ладья...

– И как скрылись берега. – Щебет становится бесцеремонно ядовитым.

Нервно дрогнули струны, почерневшим лицом Высоцкий обернулся к Хранителю и в оседающей тишине продолжил.

– Да, мы не заметили, давно ли берега увязли в тумане и сгнули. Мы не могли ни определить течения, ни управлять довольно громоздкой ладьей. Да мы и не хотели пошевелиться. Мы не желали знать, что ждет нас впереди. «Одиночество», – нам ответил надменный Харон.

– Цветы и слезы для богини, – распорядился Управитель, заметив гневное лицо Хранителя, желавшего говорить.

– Милые сударыни, вы все лишены права голоса, и права вторжения в чужие мысли. Иначе мы никогда не начнем салонных чтений, словно вы не понимаете, зачем к нам стекаются гости вселенной. Пора покончить с прошлыми недомолвками. Сестры Неизвестность и Неизбежность, вам придется покинуть ангар, найти и освободить пантеру от ошейника, привести все в божий вид вам поможет мадам Реальность. Это последние тихие вечера у камина, прощание

должно быть легким и простым, как в старые добрые времена.

– Не всегда добрые, – прошамкала старушка Правда.

– Так уже произошло и уже записано о погибшей цивилизации. Возражения не рассматриваются. Краткий обзор трагического конца землян. Сегодня ночь не состоится, я пригласил слушателей, после ваших скорых приготовлений в зале, объявляю наступление завтра и чтение первой поминальной главы. Роли всем известны.

– Хранитель нуждается в уединении. – Управитель ударяет посохом об пол, и свита мигом растворяется – рассеивается пылью.

7. Вещий сон

«Цветы и слезы для богини». Розы продержались долго. Были фрукты, торт (какой ни есть, но должен понравиться) и даже шампанское по карточке. Примерно так я начал послание в незаконное царствование великой княгини Разлуки, описывая день несостоявшейся встречи. Бело-черный день коротали быстро иссякшие хлопоты, и подступило время. Помню, что касаясь каждой мелочи в доме, и так стоявшей на своем месте, я ворчал и мысленно уговаривал ее, гадая, какой она стала.

– Улыбнитесь, мэ, шампанское! Ну зачем нам Париж? Прилетай же скорей! Я нашел себя. Не веришь? Оглянись на открытку за стеклом книжной полки, есть такой печальный обезьян с желтыми глазами тоски, как у меня. Очень похож. Успокойтесь, мэ, я не бросил литературу, только что она теперь может изменить, в наши-то времена. Брось, милая, не печалуйся. Мэ, я не знаю вашей, предполагаемой в морганатическом браке, фамилии... Я не слушал, не остановил. Но есть обратный билет, скоро-скоро я помчусь к Шереметеву встречать ваш рейс. Я надеюсь, мэ, что вояж разочарует. Я чуть с ума не сошел. Уже не опоздаю и никогда не отпущу. И пусть телефон не звонит. Меня нет ни для кого, нет навсегда!

– Как навсегда?! Сдала билет? Но... Я не знал, что... Ал-

ло! Ты с ума сошла!

Она не выносила театральный гомерический хохот и бросила трубку.

Граф в ужасе проснулся от собственного смеха и крика. Кабинет или спальня? Багровые розы целуют ей руки... оборвавшийся голос. Что за странные фантазии? Какой Париж, зачем, карточки, помолвка? Запутавшись в кошмаре, он пропустил утро, чудное летнее утро для верховой прогулки. Он потянулся к колокольчику, но удерживает дремотная тишина, на шпалерах толстопятая пастушка напоминает резвушка Матренку. Часы в который раз принимаются играть прелюдию, но бьют семнадцать раз. После такого сна граф ничуть не удивился, но решил пить кофе не в постели, демонстрируя зазевавшимся слугам великодушие – самостоятельным одеванием халата. Сладко зевая в пустоте залы, он уже успел заметить в саду под окнами томящуюся Матрену. Знать, графиня на прогулке, нешто кликнуть... Нет, переваливается, как утка, а девка хваткая, уж третьего понесла. Вздохнув кротко, он решительно направился в кабинет. Заведенный порядок якобы не нарушен. Казалось, небытие поселилось в доме: нет ни кофе, ни признаков беспокойства по столь небывалому случаю. Экое безобразие. Граф такого не любил и, выйдя на балкон, сурово окликнул девку, наказав отыскать дворецкого.

– А барыня катаются... За ними князь ранехонько заехали-с, – растерянно бормочет она в ответ, запрокинув испу-

ганно голову.

Граф, оборвав березовую косицу, возвращается в кабинет, оставив стеклянные двери открытыми. Шелестящий занавес хранит приятную прохладу, играя солнечными бликами на затейливой мозаике паркета. День действительно хорош, но одеваться самому... Граф прохаживается, гордясь своим спокойствием в ожидании дворецкого и горничной с кофе. Думы от мелких забот по обустройству имения легко перескакивают на дела государственные, мечты о новом просветленном обществе, где... Он сшиб низенький столик, прежде невиданный даже в конюшне. Опрокинутые чашки хрустнули, под ногами растекается лужа холодного чая, подмачивая ворох каких-то газет и журналов. Граф не был суеверен, но, мягко говоря, смущают не только названия, но и орфография: отсутствует ять! «Что такое?!» – взорвался он и запустил колокольцем в распахнутые двери. Промокают туфли, паркет становится облезлым, серым.

– Бред какой-то, прости, Господи, – шепчет он, отступая на неиспорченный пол, спиной чувствуя удар ледящей волны, настигающей все же внезапно. Он боялся себя в гневе, ибо мог быть жесток. «Выпороть! Всех выпороть! Матерна, разрази вас гром», – кричит он шепчущим кронам, нервно затягивая поясок. Просматривая парк с балкона, заключил: «Бездельники, ни души».

Застекленная тишина взорвалась, в бешенстве разбитый столик обнаружил шершавое некрашеное нутро. «Хамы, ча-

евничать вздумали! Наташили хлама от разночинцев, научили вас читать, аспиды»).

Граф все крушит, топчет и расшвыривает. Гнев и бессилие иссушающая чаша, родственная предательству. Ибо из чаши должно утолить жажду. Никак не наоборот! Темнеет в глазах, грязные в лохмотьях потолки опускаются все ниже, надвигается плоская злобная мебель, обшарпанная, покрытая махровой пылью. Мерещится тусклая убогая комнатушка, то ли кладовка, то ли спальня приживалки.

– Господи, как во сне... Определенно нельзя сердчать, аж пот прошиб.

Граф чеканит шаг уже степенно, не замечая перемен. А его кабинет с лепниной действительно ветшает, сужается, капает вода. Кончиками пальцев он провел по лбу, злобно шипя: «Выпороть... всех выпороть». Его остановила хлесткая пощечина, тряпкой залепившая лицо. «Что такое?!» – Граф недоуменно раскрывает глаза, пораженный множеством стекающих, небрежно развешанных блеклых флагов. Это в его-то изысканном уюте! Отбиваясь от них, он ринулся к свету, к неограниченному простору дня, где нет удушливых жутких вещей. Промокший, со слипшимися всклокоченными волосами, в одной туфле, с хвостом сорванной веревки на плече он достиг жалобно пискнувших дверей балкона, прерывисто вдохнув свежего воздуха, услышал воробьиную ссору и детский лепет внизу. «Господи, да что же такое?» – вопрошает он, думая, что бредит или сходит с ума.

– Я полагаю, что это пеленки, сударь, – насмешливо отвечает графиня, постукивая хлыстиком по мрамору колонны. Граф опешил: здесь слишком высоко, как ей удалось проникнуть мимо него? Шевельнулась осторожная ясная мысль, приметившая шлейф амазонки, свисающий через перила. Она заметила и невозмутимо поправила подол, не меняя улыбчивого выражения лица. Граф отбросил тапок, скинул халат и, сев прямо на пол, спрятал лицо в ладони, решив, что это продолжение кошмара или его супруга просто ведьма.

Мгновение бесконечно. Качнулся маятник условного расстояния, время не существует. Низкий реверанс, алмазные переливы на остреньких ключицах. Все застыли в ожидании взмаха палочки дирижера. Грациозный поворот головы: взоры встретились. Великая княгиня Разлука покинула бал. Первые «па» застучали в висках: «Я, почему я?» В свете за ней волочились, платили дань богине салонов. Графу всегда льстило иметь такую супругу. Ее взгляд увлекал многих, обещая понимание, призывая довериться неслыханному блаженству в прискучившем мире. Вдохновенная мазурка, чарующие слова, как бальзам на душу, некстати вспомнились ему: «Будьте счастливы каждым мигом волнений. Будьте счастливы непостижимой сутью, тем, что есть вы... ваши сны и пробуждения». Бесполезно мучить себя, теряясь в догадках о том, что же было с ним, что таит приятная улыбка, ныне далекая от первых слов флирта. Граф в замешательстве

не заметил ухода, все еще гадая о том, отчего он так ненавидит и не может не любить ее?.. «Ей всегда все известно. И давно», – решил он, окончательно очнувшись от сна, придя в себя. Потрепав вихрастые макушки детей, Алфея скоро исчезнет в глубине аллеи. Исчезнет струящийся шелк, прильнувший к стану, она полуобернулась: «Разве можно меня не любить, граф? Мне жаль вас».

8. Экспресс на Санкт-Петербург

На перроне, не задевая вокзальной суеты, пыльные оркестры выдувают танго. Предчувствия графини беспричинно печальны, мерещится будущее прощение-прощание, безоговорочное оставление грехов. Варианты судеб мелькают по откосам, но экспресс не мнит остановки, и они увертываются, подобно подгнившим осинкам, березовым рощам, мостам, озерам. Забавно водить знакомство с призраками, строя мысленные диалоги: «Я не злорадствую, увольте, вы ничуть не изменились за пять лет. Бросьте, идеи скучны. Потому мой вояж инкогнито. Вы восторгаетесь (в укор мне) простушкой Реальностью, приносящей плоды? Вам их и пожинать, перелистывая прожитое. Пользуясь жертвенным временем прокуренного вагона экспресса, идущего на Санкт-Петербург, я прихожу в себя. Но, если честно, я не желаю расставаться, научаясь у вас разумному эгоизму. Предисловие, раскрытая тайна, эпилог».

Безразличие овладевает графиней, закрывающей книгу. В дремотной яви оживает болтовня соседнего купе, отраженного в коридорных зеркалах, сплит солнечный зайчик, смежаются веки под легкое покачивание. Кто-то зачитывает светскую хронику будущего.

– Исчезнет на обратном пути, возможно... – Перебивают уверенные голоса: «Не может быть! Она сбежала, ее могут

только выслать».

Скучный голос остановил дамские толкования.

– Я там буду, газеты всегда искажают истину. Конечно, княгиня в гневе, Судьба разобидится, уж ей-то известно, что графиня умышленно простится, заметьте, заведомо навсегда. Открыв тайну, она оскорбит государыню Надежду, посягнув на Ея власть!

– Словно бы кто-то вправе решать: оставлять ли благосклонность надежды человеку! Непревзойденное безумие.

– А граф, конечно, не догадывается ни о чем?

– Она не ожидает так скоро Великую княгиню, тем паче, никто не предполагает получить приглашение на бал герцогини Трагедии.

– Бал уже назначен, леди Неизбежность позаботилась о многом, за неутомимую волю она представлена к счастью «Красной подвязки».

Графиня чувствует неладное, смущают зловещие улыбки придворных.

– Представьте, они вспомнили себя прежними. Князь пребывает в черной меланхолии. И новый роман или поэма угадывают ее слова, облик, жесты и даже город! Он верит господину Случаю, а тот умеет подшутить. Утром его будит супруга Жизнь, он почти здоров и верит, что она лишь мечта. Иногда грустит, считая, что богиня любви умерла задолго до христианства. Нет, он не найдет ее, недопустимо нарушение этикета.

– Да и можно ли дальше жить, если помнить все, ничего не оставляя в прошлом, не умея забыть непомерный груз и страдания?

– О, если бы только этот грех. Вы бы слышали, что она скажет в присутствии всех знатных особ, словно объявит о церемонии редчайших торжеств. Вот, читайте, слово в слово: «Наши вселенные близки, но мы не увидимся. Я не прощаюсь, ибо мы неразделимы, нам не забыть друг друга. Никогда».

Графине не удастся уснуть – душно. В открытые двери купе она рассмотрела невысокого человека в золотом пенсне: седые бакенбарды, редкие волосы на затылке и в ушах служат окантовкой гладкому черепу. Вероятно, отставной генерал в штатском едет со своей очаровательной супругой Легкомысленность. Едва ли она старше его дочерей, фривольно-веселых, посвящаемых во всевозможные чужие похождения по приезду. Приятно ехать отдельно, не быть знакомой спутникам и, выходя на перрон, отделаться туманным поклоном, надеясь более не столкнуться с ними, знающими даже то, что ей самой пока неясно. Да и сбудется ли? Я одна и без свиты, никто не ждет. Остановлюсь не дома, а на Шпалерной. Вуаль темная и очень густая, узнать нельзя.

9. Белые ночи

Невероятно, не было ни дождя, ни ветерка с Невы, непривычно сухо. Безоблачно переглядывались луна и солнце, вкрадывались вдохновенные белые ночи. Поневоле одежды становились прозрачней, мадам Беззаботность предложила чудную вуалетку, которая все реже прятала взор графини, отменившей осторожность, что привело к нечаянным визитам. Их следовало возвращать, дабы не обидеть славную подругу Вежливость. Соблюдая придворный этикет, балов не избежать, как и прочих загородных увеселений. От кареты, предложенной мадам Необходимость, она отказалась. Пыльно и долго. Поезд идет по удобному расписанию. Кокетливыми чепцами в остреньких зеленых кружевах провожают на Гатчину самостригущиеся ивы, сбрасывающие зимой коготки лишних слов, уже выцветших к лету и сейчас сокрытых травой.

Любимая поговорка папá: «Главное вовремя спрыгнуть с поезда, идущего в пропасть», – пришлась бы как нельзя кстати. Рельсы почти сходились, движение с едва ощутимым разрывом абсурдно. Два поезда набирают скорость, странно обтекая пригородные платформы с двух сторон. «Не может быть: параллельные не смыкаются!» – стучит в висках. Сogleдатаи в попутно скользящем вагоне утомили назойливостью. Алфея вышла. Ничего страшного не произошло, по-

что поцеловавшись, они разминулись, резко отвернувшись составами.

Графиня вернулась, но не обнаружила свое купе, новые спутники указали ей на «ее место», заметив замешательство (обычно несвойственное), словно именно она именно от них выходила в ресторан. Удивляться поздно, оказавшись в чужом городе без багажа (необходимого скарба изжитых эмоций, что везла в подарок), ушедшего в неизвестном направлении, в руках только серебристо шелкнувшая сумочка. Куда девается неотвязная Правда, выжившая из ума приживалка, которую никогда не сыскать в нужный момент. Она умеет смутить пылкие взгляды юнцов, не нуждавшихся в ее строгом оке, достаточно других, но где ее прыть, когда теряется душевное равновесие? Сокрушаться поздно, старушка запятовала обязанности. Раздражение улеглось и объявившаяся няня невзначай роняет то, что было крайне важно, как вера, надежда, любовь, но с опозданием в целую вечность.

– Где тебя нечистый носит? Скажи, как называется шар, слепящий цветными искрами, слетающими снегом на головы зевак? Что означает кружащийся волчок, оттолкнувший дощатый купол в старом цирке моего детства, выросшего в полую планету реальности? Факир застелил полость шара травяным ковром, чтобы не услышать многого. Мне бы нравилось жить здесь, но я устаю. Зрители продолжают приходить сюда, не подозревая о моем существовании. Все видят зеркальные осколки, отражающие свет. Чей свет, няня? Це-

лый мир неизреченных сущностей отражает нападки ослепленных, глазеющих снизу. Они лишние, как чуждый мне город. Ты забыла, старая, что путешествие инкогнито, что я неслучайно оказалась здесь? Никому не позволено вмешиваться в мои дела. Где несносный Факир, живущий этим фейерверком?!

– Час пробил, сударыня, – свита испуганно присела в реверансе.

10. Час пробил

10. Час пробил

Семья спешно съехала в Питере. Ком обреченной нежности не тает в горле. Не в силах более осознавать предстоящую потерю, мучимый умом и сердцем граф понимает заблуждение, увлекающее их к катастрофе. Господи, как же она была права, указуя преступность безумных идей – заблуждений великих. Серебряный аксельбант сверкает слезами подступающего раскаяния, за ними хаос, безнадежный хаос и кровь... «Уехать бы нам, княгиня», – граф обомлел от обмолвки. «Прошу простить великодушно. Я только хотел уведомить вас, графиня, что...»

– Снег, иней, как чисто и светло, милый. – Она прервала молчание. Выходя из кареты, ткнула зонтиком под ноги. Ямка в гнусном крошечке и следы, затопляемые уличной сукровицей, осеняют графа прозрением запоздалым. Тревожный озноб засквозил в лицо. Он впервые увидел страх в очах ея, зазвеневший хрустальной сосулькой, сорвавшейся на крыльцо. Страх? Нет, то ужас! Ужас неслыханного произвола реальности, только сейчас при обмолвке, понятый нутром, да так, что лучше бы и не родиться, не знать своей единственной. Ненасытный демон требует жертвы, уже опрозрачневшей от неминуемости. А, впрочем, так и так погибель. Но ей! Как можно ей? Он сразу поднялся к себе. Недостигаемые об-

раза, теплится лампадка.

– Неужель, Господи, я ведь верил и ведал, что творю! Чьими молитвами, Боже всемилостивый, ступаем на адские жернова. Пылает камин, прислуга еще покорна и кучер нестроптив, но насторожен, еще... Сколь еще дозволено одним воздухом дышать, сколь еще не отнимешь неделимую благодать близких душ?

Граф ошалевает от бессилия произнесть... Графиня коснулась плеча, невозмутимо приглашая к позднему ужину. Искрит шампанское, и розы источают благоухание, уверяя в незыблемости порядка, пренебрегая сумятицей душ человеческих. Возлюбленная словно бы радостней, чем в юные годы. Привычная молчаливая беседа взглядов. Их окрестили роковой парой, идеально слившейся воедино, а прочее – игра. Игра света: маски и маски. Нет, она не примет иной участи, еще возможной некоторую пору. Леденящую прохладу где-то в левой груди никак не залить, не унять, не замолчать.

– Извольте, водочки, сударь, – звонкий голосок гимназистки, беззаботной и мудрой.

Годы минуют ее – как хороша! Граф любит свою супругу, отвлекаясь на проказы, забывает гнетущую боль, тоску, объявляющую мир, лишь кажущийся прежним, как забытое лето в обмороженных зеленых кронах родового парка.

– Богиня, восхитительница ангелов, – Граф шепчет, лукаво заплетая излишнюю бодрость в комплименты, на которые он не так ловок, как многие в свете, язвительно сгорав-

шие от зависти. Но он предпочитает говорить глупости, пугаясь каждой вздрагивающей минутной стрелкой на старинных часах, которые вот-вот пробьют свое жуткое бремя. Тревога прячется крапленой картой в колоде, вечер разыгрывается, ставки крупнее всех фамильных бриллиантов или... Вдруг это нелепая ссылка на сон, кошмарный сон наяву? Он не помнит ни одного вечера, где бы они так веселились для себя. Гостей нет, да теперь уж не затевают балов и приемов. Упоение мгновением, упование на драгоценную отсрочку. А вдруг незначительный случай переменит волю? Они танцуют самозабвенно, сменяя друг друга у рояля, забыв о клавишах, сближаются в мазурке под неслышные «па», уносятся в вальсе отчаянного восторга. В смутном золоте свеч колеблется эхо полуночной залы, восхищение устроенным шумом утопает в звоне фужеров и всплесках ладоней: «Ах, браво-браво!» Из затаенных глубин, радуясь изречению вслух, слова исторгаются с наслаждением. И это прекрасно! Обретает голос сокровенное. Откровение, высказанное в шутку и с громким смехом, не рассыпается на бессмысленные звуки, не остужая чувств, вселяет надежду – надежду на спасение. Государыня не попустит...

Военный мундир к лицу, уже легкий багаж прикручен к пролетке, хрипят нетерпеливые кони. И голос призывный трубы знает почти наверняка, что граф защитит свою ненаглядную. Прощаясь, она смело поправит его.

– До встречи, до скорой, возлюбленный!

И он безбоязненно смеется и верит в свой единственный шанс.

– Сударыня, я не хотел бы видеть вас вдовой. За вами князь, прощайте!

Смутившийся князь пожал локоток.

– Графиня, я скоро отъезжаю. Город пуст. До последнего я ваш покорный слуга. Ваш супруг просил меня...

Солнце заскользило над парком, трогая оцепеневшие силуэты на мраморе проводивших ступеней. Очнулась улыбка графини.

– Благодарю, милый князь, я остаюсь. Я дома, кто посмеет тронуть? Премилая весна задалась, все образуется. Пойдемте в гостиную, что ж горевать? – Слова звучат утверждением, а не вопросом.

Грустная медлительность прошуршала по мозаике паркета, отгаивая в нежности Шопена. В бессильном гневе князь отмахнулся от ожидавшего кучера и последовал за графиней. В подкатывающих к горлу аккордах все яснее различалась власть герцогини Трагедии, чей триумфально-фатальный бал уже назначен. Вспорхнула белая ажурная накидка на волосах пианистки, играющей не замечая нот, любезно перелистываемых великой княгиней Разлукой, одарившей князя насмешливой улыбкой.

Времена, где друзей не ждут, заполучили власть... Мечется бедная Матренка, не ведая, где бы упрятать графиню. А слуги давно разбежались, да и нянюшка исчезла в лаби-

рингах дворца.

– Барыня, барыня, стучат, двери ломают.

– Так, поди, открой.

Графиня и не укладывалась спать. Прическа надменно высока, словно сейчас утро дворцовых визитов, вызывающе сверкает бриллиантовое кольцо, пышные буфы искусно нависают на плечах, локотки сжимая, жесткие кружева в камнях скрывают точеные запястья. Алфея ощущает багрово-бархатную тяжесть платья обнимающего колени, церемонно сходя по парадной лестнице в залу. Онемевшая Матренка пятится к вырываемой двери, отступает от кованого топота. Пылают факела, запах махорки, стужи и металла, людность и грохот крушения, вопросы к непроницаемому спокойствию хозяйки. Сцепленные на талии пальчики выгибаются от рывка, предательски оголив плечо, интригуя визитеров. Недобрый взгляд изучает классический профиль, холодит взведенной угрозой зашептавшие на ухо подвески: «Этого следовало ожидать».

– Обезумели, хамы, – невольно ответила графиня, вполне владея собой.

Щелчок оглушил. Она смотрит уже со стороны: долго и прочно хрустит ткань, удерживая сникающее тело, цепко сжата обманчивая легкость рукава, обнажив левую грудку, невинно удивленную нелепым обращением. Отшатнувшись, бесноватые, никак не ожидавшие подобного исхода, будто бы бережно укладывают тело на ковер, матерясь, оставля-

ют дом распахнутым. Вьюга заметает еще зеленые, не успевшие состариться рыжиной, листья октября, ощипывает богатые кроны вековых исполинов. За мглою звезды как никогда печальны. Князь склоняется, прикрывает надорванным рукавом крапинки крови, зардевшие под кожей, оглядывается мрачно на Алфею. Он подходит к ней, видит крайнее изумление, теряющее границы зрачков, черная бездна не оставляет места радужке, дробится искрами – уже за пределами души.

– Этого следовало ожидать, графиня. Выбор, вы сделали выбор, – он сжимает безвольные пальцы, – Роковой час пробил, сударыня. Я был терпелив, памятуя о графе. Послушайте, пуля вернется к пославшему ее, ничуть не повредив вашего чудного ушка. Так позвольте предложить вам руку, сердце вы давно похитили. – С неистовым наслаждением он приник к остро выточенным ноготкам, как верный друг, уверенный в своей правоте. Факир-управитель гасит портретную галерею, собирает свет очей до лучших дней. Князь хочет уловить в молчании согласие на отъезд. «Было послание: предать забвению. Прежнее кануло в Лету, не пытайтесь искать графа в предстоящем хаосе. Нас ждут иные наряды, имена. Нас укроют ангельские крылья».

Впервые хмуро Алфея обводит неласковым взором редящую свиту, едва приседающую в поспешном реверансе. Особняк пустеет, все в сборе, только Матренка, забившись в шубы, молится об избавлении от холеры или чумы, не зна-

ет, как назвать.

– Я не оставлю вас! Выбор, – напоминает князь.

– У-у-уходим... – подпекает дьявольская завируха, подталкивая всех в спины.

– Умоляю, придите в себя, уже поздно, уже светает.

Он подступает к ней вплотную, с трепещущей силой обвив руками и не отрывая взгляда, царапаясь о замысловатую роскошь украшений на платье, но не отпуская, замедленно сползает на колени, шепча и осекаясь: «Уже поздно, они могут вернуться, комиссар уже мертв. Я видел. Уходим же, здесь нас ждет западня».

– Это сделала я, – отвечает она легкой пощечиной, благоговенно перехваченной и прижатой к иссохшим губам.

11. Западня

Внезапная усталость взметнула алмазные искорки, исчезающие в боковом зрении. «Может быть, это возраст?» – спрашивает графиня, изучая отражение в зеркале. – «Возраст? – князь усмехается уныло. – Вечный возраст! Возраст вечный, вечности возраст, – ему нравится игра слов, – возрастная вечность... Возраст – тающая вечность! Глупости, графиня, это голод, просто голод, обычная доля в этой, проклятой Богом, стране. Мир распадается на куски, до боли смешные, пестрые лоскутки».

– И?..

– И граф отброшен, очутившись за барьером сотворенного. По разным причинам мы выбрали эти сумасшедшие роли.

Ровный голос, умиротворяющий голос становится бесцветным, нарастают всполохи, режущие глаза, но вновь проясняется изумрудное солнце, блаженство легко позволяет перелетать от зеркала к зеркалу, порхать в небесном танце, не задевая хрустально поредевшего каскада люстр. Лиловой дымкой стелется шлейф платья без кринолинов нижних юбок. Тронная зала светла необычно, Шопен дышит радостью, забытой так скоро и так просто. Князь прислоняется к белой двери, виньетки и медь окантовки которой гармонируют со шляпками обивочных гвоздей, с орнаментом

ковров и с сюжетом, стынущим на потолке, остановившем полет. Князь всегда потворствовал изысканному вкусу. Он заботлив, умен, терпелив. Сравнением познается, но ценится ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.